

ЧИТАЕМ · ДУМАЕМ · ПИШЕМ

ИЗБРАННОЕ

ЗАПИСКИ
ОБЫВАТЕЛЯ

EXCLUSIVE

Читаем. Думаем. Пишем

Юрий Даллакян

Избранное. Записки обывателя

«Издательство «Перо»

2026

УДК 82-1
ББК 84Р6

Даллакян Ю. Э.

Избранное. Записки обывателя / Ю. Э. Даллакян —
«Издательство «Перо», 2026 — (Читаем. Думаем. Пишем)

ISBN 978-5-00289-213-6

Книга «Избранное. Записки обывателя» является художественным произведением, и потому всё изложенное в ней – вымысел, а совпадения случайны. Всё написанное в книге является только видением автора и не носит рекомендательный характер.

УДК 82-1

ББК 84Р6

ISBN 978-5-00289-213-6

© Даллакян Ю. Э., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Слово редактора	6
Пространство...	8
Русская	9
Предисловие	10
Снег	12
Море	16
Земля	20
Людское	22
Часть 1. Ветер	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Даллакян бранное. Записки обывателя

© Даллакян, Ю. Э., 2026

*Моему земляку, поэту, фронтовику, Эдуарду Асадову,
посвящается.*

Слово редактора

Юрий Эрнстович Даллакян родился в Азербайджане. Детство его прошло в Баку, а также в Сумгаите, куда направили его отца для работы и где, помимо успешной деятельности в комсомоле, тот заставлял рукоплескать болельщиков, выходя на футбольные поля в качестве полузащитника команды «Нефтяник».

Воспитание Юрий получил в высокообразованной бакинской семье. Его бабушка, армянская дворянка, работала завучем в школе и преподавала русский язык и литературу. Дед трудился директором школы, вёл уроки математики. Отец по образованию был учителем истории. Впоследствии он возглавлял Ярославскую государственную филармонию, а затем в Москве – государственный республиканский русский ансамбль «Россия», художественным руководителем которого была Людмила Зыкина. Именно окружение отца сформировало его круг общения и мировоззрение.

Одна из лучших частных библиотек в Баку, которой владела семья Юрия, привила ему любовь к русской литературе.

Ну а если учесть, что его прадед работал на Нобеля управляющим нефтепромыслами и был концессионером других компаний, то можно понять, почему все в его родне в те далёкие годы знали хотя бы один иностранный язык.

Получается, что уже в детстве Юрий стал носителем армянской, азербайджанской и русской культур.

По семейным обстоятельствам его отец был вынужден отправить сына на родину матери, в Ивановскую область, где уже другая родня приняла юнца в большом доме с внушительным подворьем. Именно там он и провёл остаток своего детства. Данный этап его жизни заложил любовь и уважение к русскому народу, которые проходят красной нитью через всё творчество автора.

В России Юрий окончил две школы – среднюю образовательную и музыкальную, а затем, как и большинство в его семье, педагогический институт. Затем работал на руководящих должностях в системе Министерства культуры, а также в бизнесе.

Однако самым важным этапом своей жизни Юрий считает годы работы учителем в сельской школе.

Автор много ездил по стране, хорошо знает города Центральной России: Владимир, Иваново, Ярославль, жил в Ессентуках. Ему пришлось работать в Германии, а также почти пять лет в США, где сейчас продолжают жить его родственники. Особенно полюбились ему Нью-Йорк и восточное побережье Соединённых Штатов.

Работа руководителем подразделения российско-германского предприятия при Театре Сатиры, равно как и продюсером в двух кинокомпаниях Москвы дала ему возможность глубже вникнуть в особенности русской культуры. Именно в этот период он освоил секреты написания синопсисов и сценариев. А это, в свою очередь, позитивно отразилось на его творчестве, определив уникальность стиля, который больше напоминает трансляцию фильма.

Сам Юрий полагает, что его книги являются прогнозами, обрамлёнными в художественные произведения.

Последние двадцать пять лет Ю. Даллакян проживает в Москве. Написание музыки к песням, как и литературное творчество, определяет занятием для души.

Юрий Эрнстович Даллакян является автором книжной серии: «Читаем. Думаем. Пишем». В неё входят произведения: «Музыкант», «Музыкант – продолжение», «Юность музыканта», «Простые вещи и другое», «Бакинские семь-восемь», «Обыватель», «Хайвей номер 95», «Лефортовский парк», «Избранное. Записки обывателя» и другие. А лучшее, по его мнению, произведение, созданное им, носит символическое название «Русская»...

Ю. Даллакян искренне благодарит редакторов, вдохновивших его на написание произведений: Галину Андрееву и Мурада Каррыева, а также Их Величеств читателей!

Пространство...

Притча

Сначала русским людям была дана земля. На ней они и жили, создавая вокруг себя пространство. В него входило всё, что их окружало. Они строили из того, что им дал Создатель, дома, любили землю и обрабатывали её, отдавали свою любовь небу, воздуху, которым дышали, а также рыбам и другим тварям... А ещё любили Ярило – так они называли Солнце. Оно согревало их теплом, как, впрочем, и землю, дающую людям всё для жизни. От русских требовалось только любить то, что им дано, и беречь данность, помолясь в это самое пространство, которое потом стали называть Богом.

Люди заметили, что во всём, что их окружало, была вода: и в земле, и в воздухе, и в растениях, и в животных, и в камне, и даже в них самих. Они видели, как снег превращался в воду, а вода – в лёд. Огонь воду нагревал, переделывая в пар, который улетал в небо, насыщая воздух влагой. Люди пили этот воздух, дыша, и понимали, что именно вода связывает всё на земле: и живое, и неживое.

Так русские люди, пребывая на Земле, при помощи воды связывали себя с окружающим миром в пространстве. И именно оно, уже после физической смерти, вторично воссоздавало души людей на небесах, впитывая всю информацию об их деятельности и развитии, а проще говоря, всё хорошее и плохое... Получается, что в результате жизни русских людей было создано русское пространство, являющее сверхразумом. Часть его называли душой. Её кусочек давался там каждому русскому при рождении. Единственное, что требовалось человеку за такой дар, – это сохранить душу.

Однако торговля этому часто мешала. Жизнь развивалась, мир сменяли войны, ненависть застилала разум. В русское пространство приходили уже разные люди, а оно это всё запоминало и обрабатывало, создавая из всего вошедшего в него нового русского. Плохое пространство тоже перерабатывало, а то, что оставалось, превращалось в русское. Любая вера, какая бы она ни была, пространством приветствовалась и приводила всех людей к единому Богу. И когда оно делало из любого народа часть себя, люди в нём это чувствовали, а осознавая процесс, говорили: «Мы русские, а значит, с нами Бог...» И если в любой части мира, где случилась беда, вы вдруг услышите эти слова, знайте, что люди в ней спасены... А сами просто повторите: «Мы с русскими, а значит, с нами Бог...»

Русская Новелла

Россия – благодатная земля, ставшая родиной для многих великих и достойнейших народов. Все они мечтают быть счастливыми! Любить, растить детей, свободно жить и трудиться во имя родной страны и своего будущего. Но какой-то невидимый враг постоянно заковычивает живущих в ней людей в наручники, напоминающие аббревиатуры, составленные то из одних, то из других букв. Кто, для кого, а главное, зачем складывает эти буквы воедино?!

С течением времени соединения букв обретают всё новые и новые формы, меняются их конфигурации, а бедных людей и нищих стариков не становится меньше. Не позавидуешь и тому, как живёт большинство населения страны. Зато отдельную часть общества, всевозможные организации и партии данное положение дел вполне устраивает. Все они щедро раздают обещания самых разных благ, которые никто из людей никогда не получит, как и объявленный раньше коммунизм.

Алька мечтала и верила, что придёт день, и наручники из буквенных аббревиатур спадут с запястий её великой МАТЕРИ РОССИИ, веками привычно смотрящей на мир из окон деревенских изб.

И пусть не она, а хотя бы их с Эдиком сын Георгий будет жить в великой стране без бедных людей, нищих стариков и наручников из букв на её запястьях.

Ю. Даллакян. Новелла «Русская»

Предисловие

Мы с другом на внедорожнике возвращались по трассе с дальней рыбалки. Улов был хорош, равно как и настроение, а при таком раскладе всё вокруг видится по-другому. И мне в голову пришла мысль свернуть на видневшуюся впереди хорошо укатанную просёлочную дорогу. Никакой особой цели у меня не было, просто вдруг потянуло.

Мой друг поддержал меня и выехал на грунтовку, которая через пару сотен метров оказалась с обеих сторон окружённой лесом. Мощь лошадиных сил под капотом позволяла без особого труда преодолевать серьёзные препятствия. А когда лес внезапно кончился, недалеко перед собой мы увидели маленькую деревеньку.

Оставив внедорожник на въезде, чтобы звук мотора не нарушал тишину, дальше отправились пешком. Тянувшаяся посередине улицы дорога была песчаной, что характерно для среднерусского нечерноземья. По обеим её сторонам стояли старые деревянные домишки, от которых веяло теплом и уютом. При взгляде на них в душе поднималось что-то щемящее, трогательное, как при встрече с родным и до боли знакомым.

Было лето, были деревня и бревенчатые дома, а людей не было. И только пройдя большую её часть, мы наконец увидели избу, перед которой сидела на лавке сама древность с лицом, изрезанным глубокими морщинами.

Подшли, поздоровались. Завязался разговор. Старушка явно обрадовалась неожиданным собеседникам, ведь, с её слов, говорила она только с коровкой да курами. Лично мне казалось, что, встань она с лавки – и из неё посыплется песок, такой же, как на дороге. Но глаза бабки блестели остро и живо, а её рассуждения поразили меня глубиной и житейской мудростью. После беседы с ней я вдруг заметил, что небо стало голубее, солнце ярче, а лес зеленее...

К машине мы возвращались с куриными яйцами в пакете и банкой молока, которую клятвенно обещались вернуть. Вот про возврат я что-то не упомяну, вылетело за давностью из головы... А то, что на душе у меня в тот момент были благодать и спокойствие, не забыл.

Правда.

Это все они, её слова, которые из всего нашего с ней разговора запомнились мне на всю жизнь. Я спросил её:

– Вы прожили долгую жизнь... А что Вы можете сказать о ней самое главное, так, чтобы в двух словах?

– Мы, русские, сынок, испокон веков наши обычаи соблюдаем, оттого и дух в нас крепкий. Вот и я благодаря Богу живу только потому, что всю жизнь, сколь себя помню, следуя правилам: терпи, трудись и молись! Многим это советовала, а мужики надо мной смеялись: «Ты, бабуся, не забудь добавить еще слово “борись”».

А я так думаю, это всё одно. Наша бабская борьба в чём? Воспитывать детей, работать по хозяйству да ещё просто ждать. Вот сам и понимай.

Плотно сжав губы в тонкую строгую линию, бабка замолчала, утратив ко мне интерес. Затем поправила на голове платок и, закрыв глаза, опустила голову на грудь.

Боясь потревожить её сон, мы тихонько отошли, и тут нам вслед донеслось:

– Вишь, я, почти девяностолетняя старуха, в деревне одна осталась. А всё потому, что жила по правилам, завещанным мне родителем.

Мы шли к машине молча. Всю дорогу я мысленно повторял, боясь забыть: «ТЕРПИ, ТРУДИСЬ И МОЛИСЬ!»

Такие простые и понятные слова, ставшие для старой русской крестьянки правилами, по которым она жила!

И неожиданно для самого себя я задал вслух вопрос:

– А по каким правилам живём мы?

Мой друг посмотрел на меня и пожал плечами:
– Сейчас я не знаю...

Снег

Ночь, зима.

На бескрайнем заснеженном пространстве стоял всего один столб, на котором тускло горел фонарь. Его свет выхватывал из темноты лишь один дом и небольшой участок перед ним. Этот дом находился в начале деревенской улицы.

С неба хлопьями бесшумно валил снег, окутывая всё вокруг белым покрывалом. Время от времени мимо дома с вихрем проносилась позёмка. Из трубы на крыше поднимался дым.

Отодвинув занавеску, Алька заворуженно смотрела в окно, не в силах оторваться от вида снежной стихии, подсвеченной качающимся на ветру одиноким фонарём.

В комнате было тепло от русской печки, но Алька ощущала пронизывающий холод. Он охватывал всё тело и сковывал разум. А зимний хаос природы притягивал к себе и не отпускал.

Немыслимым образом окно превратилось в экран, на котором появился Наполеон, бегущий из России. От холода, подобного тому, что царил за окном, погибали солдаты его армии...

Алька не сразу опомнилась, осознав своё место в привычном мире. Вот какие чудеса творила обычная русская зима!

«Откуда это всё, почему так? Я же просто смотрю в окно...» – недоумевала Алька, чувствуя, как страх проникает в её сердце. Внезапно она представила себя стоящей на морозе под тусклой лампочкой, которая освещает её мрачные мысли.

Вздрыгнув, Алька сделала глубокий вдох.

Она неотрывно смотрела, как неистовствовала и бесновалась разгулявшаяся на улице метель... Что это за силища удерживала её у окна и требовала: «Не уходи-и-и-и...» Ей казалось, что белоснежная круговерть тянет её за собой в бесконечность.

На самом деле за окном была знакомая с малых лет до последней травинки Алькина родина, которая и не думала её отпускать. Но Алька всё давно для себя решила. Она понимала, что на родине для неё нет шансов вырваться из нищеты. Завтра Алька пойдёт в большой город разузнать о поступлении в торговый техникум. Там она продолжит думать о своём счастье, там ждёт её новая жизнь... Она в это верила.

Небо было ярко-голубым, без единого облачка. Алька широко ступала по дороге, утопая валенками в снегу. Она устала, но продолжала идти. Для крестьянских детей терпение – дело привычное. Тащись себе да тащись.

Наконец она остановилась, чтобы перевести дух, и обернулась.

Перед ней были земля, покрытая, насколько хватало глаз, нетронутым снегом, и одинокий столб с фонарём. Рядом с ним крыльцо. А на крыльце мать в накинутом на плечи тулупе и платке.

Алька не могла даже представить мать без платка, ей казалось, что та никогда не снимала его, будь то дома или в поле. Он неизменно присутствовал на голове матери: по праздникам – нарядный, белый или в мелкий цветочек, в будние дни – из простого тканого полотна. Исполком веков в жизни русской женщины платок считался самым ценным и дорогим подарком, особенно если он был оренбургским. Можно сказать, где платок, там и Россия.

Алька помахала матери рукой и продолжила догонять своё счастье. Она шла и радовалась, представляя себе радужные картинки будущей жизни.

Мать перекрестила идущую вперёд дочь, дождалась, когда та скроется из виду, и вернулась в избу. Повесила тулуп на крючок и подошла к иконостасу, доставшемуся ей от предков вместе с благословением отца. Семёновна, так величали её по батюшке, упёрлась в него взглядом и долго молилась за счастье ушедшей в люди дочери.

А Алька шагала, крепко сжимая вязанными из грубой пряжи рукавицами узелок, переданный матерью с поклоном живущей в городе тётке.

Ах, узелок!

Что же такое узелок?

Небольшой кусок плотной хлопчатой ткани, в который были завернуты хлеб, молоко в бутылке, сало, крупа, пара-тройка кусочков сахара, пирожки с капустой и яйцом, немного вяленого мяса. Края ткани связывались узлами, обычно двумя. После сбора такой узелок поливался обильно материнскими слезами. Садилась вот так чья-нибудь мать рядом с узелком и начинала молча плакать...

Именно такой узелок для тётки тащила Алька, увязая в снегу. Совсем скоро она будет снова идти по этой дороге в будущую жизнь, держа в руках политый материнскими слезами узелок. Да он и есть вся её жизнь! Потеряй его – и ужас голода заставит попрошайничать или подтолкнёт к пропасти. Такого крестьянские дети себе позволить не могли...

Морозный воздух обжигал щёки, пальцев на руках и ногах Алька давно не чувствовала. Надо было согреться. И тогда она вспомнила лето. По обеим сторонам дороги раскинулись сочные луга, от которых исходил удивительный аромат сладкого клевера, смешанный с терпкостью чабреца и лёгкой горчинкой пижмы. На вытоптанной коровами траве спал пастух. Рядом с ним валялся хлыст, чуть поодаль – пустая бутылка из-под водки. Коровы паслись вокруг него, боясь разбудить. Вдруг встанет да хлыстом ка-а-а-к!

В деревне пастух был уважаемым человеком. Каждый год его всей деревней встречали и провожали. Многие старались потрафить ему, угощая нехитрой снедью и ядрёным самогоном.

Был в деревне и ещё один человек, который всегда жил безбедно и, по деревенским меркам, преуспевал. Это забойщик. Только он знал, как забить скотину мгновенно. Не принимало крестьянское сердце страданий животного. Вырасти коровенку с малого, а потом возьми да и убей? Невозможно! Вот хозяевам и приходилось звать забойщика, да ещё и дожидаться, когда у того свободный день выдастся.

Погружённая в мысли о деревенском житье-бытье, Алька не заметила, как отмахала немалое расстояние до города. Всё перебрав в голове, обо всём подумав, она входила в областной центр.

В городе Алька, расспросив, где находится нужное учебное заведение, пришла в техникум. Познакомилась со студентами, почти её сверстниками, шумными и весёлыми. Те в один голос советовали ей поступать к ним: с их профессией голодать не будешь! Врали, конечно. Все студенты голодали, пока учились, но едой всегда делились. Так было принято.

Разузнав про документы и сроки приёма, Алька, довольная, направилась к тётке – папиной родной сестре. Тётка Маня тепло встретила племянницу. Взяв протянутый Алькой узелок, положила его на тумбочку в маленькой прихожей, не развязывая и не спросив, что в нём.

– Сами-то, поди, голодаете, четверо вас на одну Веру-то, – вздохнула она, вытирая концом платка уголки рта, и строго проговорила: – Заберёшь взад!

Потом упёрлась взглядом в Альку и заплакала, часто смахивая загрубевшей ладонью слезинки и покачивая головой.

Резко закончив лить слёзы, тётка быстренько накрыла стол, увенчав его серединой чекушкой водки.

Уселись. Маня открыла бутылку, налила себе в маленькую рюмку, не забыла и про Альку.

– Мне нельзя, я ещё маленькая, – отказалась Алька.

– А тебе пить никто и не предлагает. Просто подними. Помянем твоего отца, моего брата, безвременно ушедшего от нас. Пусть земля ему будет пухом.

Тетка выпила, сморщилась и тут же уткнулась носом в рукав. После достала пачку «Беломора», непослушными пальцами вынула из неё папиросу и закурила. Алька осторожно поставила рюмку на стол. А потом они ели щи из квашеной капусты и немного варёного мяса с картошкой – вкуснотища!

Разомлев от сытной еды, долгой стылой дороги и хороших новостей из техникума, Алька с раскрасневшимися от холода щеками осоловело таращила на тётку глаза, чувствуя, как сон наваливается на неё, укачивает и уносит в сладкое небытие.

Утром, выпив на завтрак молока и заев его чёрным хлебом, Алька верталась в деревню с подарком от тётки – напоследок та сунула ей в узелок четвертинку для матери. Пригодится. Без мужика бабе в деревне тяжело, а за сто граммов любой работник по хозяйству найдётся. Какое ни есть, всё ж подспорье.

– Вот так ничегошеньки и не взяла? – спросила мать, глядя на узелок и стирая скатившуюся по щеке слезинку. – Гордая, конечно. А всё же доброй она души человек. Надо не забыть обязательно помолиться за неё. Завсегда в трудную минуту на помощь придёт. Старается по возможности заменить мне вашего батьку, а вот самой детей Бог не дал. Видать, судьба...

Алька грела руки у печки, когда из горницы выскочили старший брат и две сестрёнки. Она была вторым ребёнком, самой старшей из девочек. Всего-то ничего в доме отсутствовала, а разлука чувствовалась остро. Жорка взял в руки гармонь, склонил голову набок, будто прислушиваясь, и начал играть. В доме стало весело и шумно. Брат недавно приехал из области на выходные. Соскучился по дому, по своим. Вот через год закончит культпросветучилище в области и станет директором клуба в соседнем большом селе, где стояла красивая церква с золотыми куполами...

Мать смотрела на веселящихся детей и опять молча плакала, но теперь уже от счастья. «Жаль, – думала она, – жаль, что мой Александр Алексеевич не дожил и не видит своих детей». Тяжело вздохнув, она сняла платок и насухо вытерла им слёзы.

Алька смотрела в окно на сверкающий в солнечных лучах снег и представляла своё будущее. Всё она умела: готовить, колоть дрова, доить корову, ухаживать за птицей и много чего ещё по хозяйству. В школе была круглой отличницей. Глубоко и преданно любила родную деревню, дом, семью. И её все любили так же, брали с неё пример!

А что же окно?.. Окно в деревенской избе – это особая история. Оно как будто создано для того, чтобы смотреть на сотворённый Богом мир, и, может быть, вид из него – дорога в жизнь?

Если у вас появится возможность пройтись по старой русской деревне, где ещё живёт народ, то в окнах домов вы непременно заметите наблюдающих старушек. Что нового они могут увидеть в том, что видели десятилетиями? Ну что?!

Старухи смотрят на землю, на деревья, на птиц и на небо... На всё то, что мы в повседневной суете не способны заметить и рассмотреть.

Они смотрят на землю и осознают себя частью этого огромного мира, растворяясь в нём и одновременно принимая его в себя. Смотрят по-особенному, как бы ощущая необъятную вселенную с миллионами живущих в ней людей. Кто-то любит море, кто-то небо, лес или горы – все что-то любят, это естественная потребность человеческой души. Русский же человек любит землю, которая дала ему возможность появиться на свет, набирать силу и дышать её пьянящим воздухом, чувствовать полной грудью саму жизнь.

Представьте себе крестьянку тридцатых, солдатку сороковых. Идёт измученная, вымотанная после работы в колхозе баба домой... Перед ней тянется дорога, справа луг, слева речка и лес. Птицы поют, над головой чистое голубое небо, а впереди дети, ждущие возвращения матери, скотина, а ещё множество дел в избе... И вот пройдёт такая женщина через всю эту благодать, и откуда-то в ней опять появятся силы, дух и молитва.

Все это и есть РОДИНА-МАТЬ. Это она смотрит из резного окошка простой деревянной избы, с любовью замечая каждую новую травинку или деревце! Так же на мир смотрела и Алька, а он в ответ делал её крепкой и сильной духом. Русским духом. Можно сказать, глядя в

окно, она укрепляла свою душу. Словно чувствовала, что будет трудно, и готовилась к испытаниям, которые припасла для неё жизнь.

Пройдут десятки лет, прежде чем Алька поймёт, что именно эта часть её жизни и являлась настоящим счастьем. Однако всё это будет потом...

Море

Алька вошла в комнату. Низко склонив повязанную платком голову, мать занималась узелком. Собирала в него всё как обычно, ласково поглаживая уложенные вещи загрубевшими руками, как будто передавала им своё материнское тепло.

На столе лежал старый трофейный отцовский рюкзак. С ним он пришёл с Финской войны.

– Алька! Я тебе тут впрок собрала посуду, вилку, ложку, отцовский стакан. Картошку положила, лук, чеснок... Опять же капуста для щец квашеная, огурчики, помидорки, грибки из кадки, яблочки мочёные... Ну, всё, чтоб жить, а ещё ведь и поделиться придётся. Чай не одна жить-то будешь. Всё сгодится.

Мать вдруг тяжело осела на табурет, сделанный когда-то отцом, облокотилась двумя руками на стол и, крепко сжав голову ладонями, беззвучно заплакала. На лежащий между её локтями узелок потекли слёзы. Текли, не переставая, смывая с души страх, тревогу и принося взамен мудрую покорность судьбе. А ещё веру в то, что авось господь смилуетя и защитит на чужбине родную кровиночку от злых людей и напастей.

Алька знала, что успокаивать мать сейчас бесполезно. Давая ей выплакаться, она тихо вышла из избы и направилась в хлев к скотине.

Увидев Альку, Бурёнка замычала. Девушка обняла корову за шею, и теперь уже из её глаз текли ручьём слёзы. На насесте кудахтали куры. Она посмотрела на них благодарными глазами, зная, что сваренные вкрутую яйца и жареная курица уже лежат в узелке.

Так, с солдатским рюкзаком за спиной, с узелком в руке, Алька уходила в большую жизнь. Мать стояла на крыльце дома, провожая глазами уходящую дочку, и долго-долго молилась.

В торговый техникум Алька поступила без трудностей.

В общежитии жизнь протекала бурно, однако Алькиной комнаты это не касалось. Вместе с ней проживали подруга из соседней деревни, девочка из Мордовии и татарка из очень набожной семьи. Однажды девочки разъехались, и Алька осталась одна. Закончились все припасы.

Алька брала чёрный хлеб, поливала остатками растительного масла и посыпала его солью. Она резала кусок пополам и натирала получившиеся части друг о друга и ела. Потом и эта еда закончилась.

Когда девочки вернулись, Алька встала, улыбнулась и потеряла сознание. Голодную подругу спасали сладким чаем...

Комната девочек сияла чистотой, а отношения между ними были такие, что лучше не бывает. Дружеская атмосфера способствовала учёбе, что и помогло им подойти с хорошими результатами к распределению. К такому событию Алька могла позволить себе купить недорогое красивое платье и модные туфли. Где она только не подрабатывала: посудомойкой в столовой, уборщицей. Любая новая работа казалась Альке достижением. Будучи деревенской, никакого труда она не боялась, напротив, с жадностью бралась за порученное дело и была счастлива. Первые деньги Алька на каникулах отвезла матери, а ещё подарила ей платочек. И снова мать плакала, принимая подарок от дочери, а ночью молилась Николаю Угоднику.

Учёба... Многие отмечали в Альке богатый внутренний мир. Какие бы вопросы ни обсуждались, она всегда выделяла моменты, о которых никто из преподавателей даже и подумать не мог. После Алькиных речей всем в аудитории казалось, что мир стал лучше. Девушке приходилось много читать, потому как в её сельской школе книг было немного и в читальном зале областной библиотеки её знали хорошо.

Наступил день распределения. Алька знала о том, что ей дадут хорошую путёвку в жизнь: далеко не сошлют. Она стояла с подругами перед высокой резной дверью в актовом зале, где заседала комиссия. Дверь открылась, её вызвали первой.

Алька вошла в зал, встала перед высоким собранием. Председатель сообщил ей место работы в областном центре, с чем она радостно согласилась и уже было направилась к выходу. Внезапно она услышала слова говоривших между собой женщин из комиссии: «Там же тёплое море и полно фруктов».

Алька словно остолбенела, затем развернулась и молча зашагала в сторону председателя. Подойдя к нему, она остановилась и, не сказав ни слова, начала рыдать. Члены комиссии пытались её успокоить. Услышав слова про море, она превратилась в ту самую деревенскую девчонку, идущую поступать в область.

– Пожалуйста, пошлите меня на море, я же деревенская! – сквозь слёзы взмолилась она. – Всю жизнь мы больше речки ничего не видели, а ещё скотина и работа. Пожалуйста, пошлите меня на море! Я же ничего никогда...

Члены комиссии смотрели на неё как заворожённые.

– Аля, – начал председатель комиссии, – Вы же у нас лучшая, мы удовлетворим Вашу просьбу. Но поймите, что это далёкая республика, и люди там другие, и мамы рядом не будет.

Услышав положительный ответ, Алка от радости запрыгала на месте и начала благодарить всю комиссию разом.

– Идите, – произнёс председатель, и Алка ушла.

Все члены комиссии сидели как вкопанные под впечатлением от произошедшего.

– Вот как такой красавице откажешь? А потом всю жизнь каяться будешь... Одно слово – деревня, кто не пьёт, тот всё проедает, и никакой радости, только труд. А ещё постоянный мат. Такой душевный и красивый трёхэтажный мат. Ну нет деревень без мата. Н-да... Следующая! – закончив свою речь, крикнул председатель.

Когда Алка вышла, на неё накинудись подруги с вопросами. Все её мокрое от слёз лицо сияло от счастья, но что она могла сказать? Ей было стыдно. Она же просила, а отец наказывал: никогда ни у кого ничего не проси... Впервые в жизни она послушалась его. Найдя глазами укромное место в коридоре, Алка спряталась и начала креститься, умоляя отца простить её. Потом утёрла слёзы носовым платком и медленно пошла к выходу.

Тёплый летний ветер приятно ласкал лицо. Алка просто стояла, радовалась жизни, глядя на небо, и благодарила Бога. А когда наконец посмотрела перед собой, то увидела красивого молодого человека, с интересом наблюдавшего за ней. Первым ей пришло на ум то, что таких в её губернии не делают. Он был подтянут, одет с иголочки, но строго. А взгляд... Завораживающий, проникающий прямо в сердце. Что такое настоящая любовь, Алка не ведала, только мечтала о ней. А тут сразу раз – и море, два – и живая мечта.

– Здравствуйте, меня зовут Эдик, а Вас я знаю, Вы Аля! Я был в комиссии. Мы можем поговорить?

– Да, – сама не понимая как, смогла выговорить Алка.

– Я как раз приехал из того города, куда Вас распределили. Я секретарь комитета ВЛКСМ республиканской стройки. Приехал звать к нам ваших дипломированных строителей. У нас замечательный новый красивый город, Вам понравится! Кстати, Ваша речь произвела на меня впечатление. Ваш голос и сейчас звенит в моих ушах.

Алька слушала Эдика не моргая. Его слова проникали в сердце, а мягкий, но выразительный голос напоминал ей одного артиста, которого она слышала по радио. Алка сразу поняла, что влюбилась.

То, что дальше происходило в жизни Эдика и Альки, больше походило на сказку. Такое случается не со всеми и не везде. По счастью, с ними случилось...

Прощавшись с малой родиной и семьёй, Алка приехала к Эдику. Он встретил её на вокзале. Алке ужасно хотелось броситься на шею любимому, но в то же время она понимала, что настоящей комсомолке полагается быть скромнее. Только когда нехитрый скарб девушки

был положен в багажник новенького «Москвича», они обнялись, и, сев в машину, Алька выпала:

– Эдик, я беременна, но это тебя ни к чему не обязывает. Я люблю тебя и сама смогу воспитать сына.

– А почему сына? – спросил Эдик.

– А потому, что лучше тебя в мире мужчины нет. Кого же ещё!

Эдик смутился, но словам Альки поверил. Счастье захлестнуло его с головой: он снова обнял и расцеловал Альку.

Родители Эдика были люди культурные, воспитанные: отец – директор школы, преподаватель математики, мать – учительница русского и литературы, да ещё к тому же завуч. Оказалось, Эдик уже обо всём им рассказал, и те к приезду Альки приготовили молодым комнату в квартире, начав таким образом подготовку к свадьбе. Услышав об Алькиной беременности, они наперебой принялись поздравлять детей, и их лица при этом светились безграничной радостью и теплотой...

Всё шло своим чередом. И жизнь, и любовь, и работа. Алька с успехом продвигала вверенное ей производство. Как обещала, родила сына Жорку, названного так в честь пропавшего без вести на Великой Отечественной войне родственника семьи Эдика и, по счастью, родного старшего брата Альки. После родов Алька расцвела и превратилась в красивую женщину. Эдик каждый день был вынужден встречать жену с работы.

Как-то раз, придя на работу, Алька увидела на своём столе цветы в новой вазе и коробку дорогих конфет. Потом подношения повторились, их становилось всё больше и больше. Алька не стала расстраивать раньше времени Эдика, но однажды, когда она выходила с работы, незнакомый мужчина пригласил её в машину, сказав, что её ждёт хозяин города. Как тут отказать! Алька на негнувшихся ногах подошла к машине и присела на заднее сидение.

– Здравствуй, Аля! – медоточивым голосом произнёс «хозяин города». – Я Тофик. Хочу предложить тебе всё, что есть у меня. Твоя красота должна быть по достоинству оценена. Я дам тебе квартиру, машину, золото, деньги. Всё, что захочешь. Ты должна быть со мной!

Алька растерялась. Это была ещё одна сказка, но только уже плохая.

– Простите, – заикаясь, начала Алька. – Я замужем, у нас семья, сын. Я люблю своего мужа и семью. Я не могу...

Алька нащупала ручку прикрытой двери, дёрнула её и, сказав «до свидания», пошла ускоренным шагом в сторону дома. По пути её должен был встретить Эдик. «Волга» обогнала Альку, и она, вздохнув, успокоилась.

– Ой, Тофик дорогой, как эта русская тебя кинула, и главное – «до свидания». Такое сказать вору?

– Останови, – скомандовал Тофик водителю. – А ты, – бросил он сидящему впереди подельнику, – знаешь, что делать.

Алька уже подходила к месту встречи с мужем, мечтая поехать вместе на пляж, как с ней поравнялся мужчина, чуть задержался рядом, а потом резко прибавил ходу. Алька опустила сначала на одно колено, потом на другое, а когда к ней подбежал Эдик, она уже лежала на боку, прижимая руки к животу, из которого торчала рукоятка ножа. Боль была жуткая. Алька сказала мужу «люблю тебя» и отключилась.

Она увидела бескрайнее море, потом мать, затем стадо коров на лугу. Пастух встал, отряхнул плащ-палатку и приблизился к Альке, но это был уже не пастух, а отец. Он посмотрел на неё и сказал:

– Ты что это расклеилась, дочура. Тебе не ко мне. Рано ещё. Ну-ка соберись... Мы, русские, всегда побеждаем, не из таких переделок выходили. Соберись.

Очнувшись, Алька увидела блестящую чистоту ровных белых стен. Когда глаза привыкли к свету, она заметила ещё одну застеленную кровать с тумбочкой и стулом.

Дверь открылась. В палату вошли Эдик и его мама. Алька увидела в их глазах то, что нельзя было передать словами. Как оказалось, хирурги, которых привезли друзья семьи, вернули её к жизни. Жорку отправили к бабушке в деревню. Эдик же вместе с милицией начал поиски вора и его банды. Всех нашли и осудили.

После выписки Алька приехала в деревню к сыну и ничего не подозревающей матери. Потом из области приехал брат Жорка. По случаю воссоединения семья устроили праздник. Все веселились, кроме Альки. Ей было хорошо, но не радостно. Не было рядом любимого человека, кому она посвятила свою жизнь. Алька постоянно смотрела в окно, будто черпала потерянные в борьбе за жизнь силы. Она просто смотрела, а силы всё прибавлялись и прибавлялись.

Когда она совсем окрепла, в деревню пришла телеграмма. Мама Эдика писала о том, что его убили и даже уже похоронили. Раньше об этом не сообщали, потому что приезжать на похороны было опасно. Узнав о случившемся, Алька превратилась в серое облако, которое заслонило солнце и не давало пролиться дождю.

Вскоре от горя ушла из жизни свекровь, а потом и свёкор. Их похоронили рядом, поставили памятники. Через какое-то время из письма Алька узнала, что все три могилы, Эдика и родителей, сравняли с землёй, а камни украли. Никто не знал, что творилось тогда в Алькиной душе, никто, разве что догадывалась мать. Много деревенского люда проходило мимо Вериного дома, и всегда в окне они видели Альку. Круг замкнулся, а что дальше...

Земля

Облако под названием Алька смотрело в окно, отвлекаясь только на еду. Вдруг оно оторвалось от окна, надело на себя тонкое ситцевое платишко, взяло простынку и босиком вышло на дорогу.

Алька прошла мимо пасущегося стада коров, поздоровалась с дядей Васей, пастухом, и свернула на речку. У берега сбросила с плеча простынку, сняла всё, что на ней было, и медленно-медленно ступила в воду, ощущая под ногами песчаное дно. Иногда перед её глазами возникало море. Алька гнала его от себя, потом нырнула с головой, как в детстве. Она чувствовала, как её наполняет силища из воды и будто бы говорит: «Живи, живи за всех ушедших, а мы тебе подмогнём». И вот Алька спросила себя: «Как же я могла променять свою родную реченьку на какое-то чужое море?» Спросила и запела. Долго она ещё пела и плавала, плавала, плавала...

Через сутки она собралась и с припасами в старом солдатском рюкзаке отправилась в соседнюю область к подруге, которая давно звала её к себе. Там Алька устроилась на хорошую ответственную работу и продолжила трудиться. В комнате, где она жила, висели две рамки: в одной была икона – благословение матери, а во второй – фотография Эдика.

Подарки от отца Жорке продолжали приходить регулярно, но уже почему-то из России. Бабушка, получив извещение, шла на почту. Потом они сидели за столом у окна на кухне и делили содержимое посылки так, чтобы хватило на месяц. Однако отложенное получалось растянуть только на пятнадцать – двадцать дней. Просто иногда Жорка проявлял такую любовь к бабушке, что её крепость сдавалась во имя любви вместе с конфетами и фруктами.

Жорка рос, превращаясь в крепкого юнца. С гулянок он приходил иногда с царапинами, а порой и с синяками. Бабушка Вера охала, но понимала, что живут они в русской деревне и что мордобой в ней – дело нужное и справедливое. Один раз Жорка прибежал во двор, схватил затвор от ворот и, еле удерживая его, набросился на обидчиков. Кто-то из них хорошо получил, а остальные разбежались. Сам Жорка даже не понимал, что пошёл один на ораву пацанов.

Кипела деревенская жизнь. Время летело, страна менялась. Люди верили, что всё происходит взаправду, а когда разобрались, то поняли, что правда эта не в почёте. Воровали везде, и чем больше, тем лучше. Сначала тысячами, потом сотнями тысяч и миллионами, потом и до триллиона дошло... Такого Алька понять не могла. В русской глубинке её учили другому.

Начались войны. Кто-то как будто специально стравливал народы и грабил, грабил страну. Ничего не понимала Алька, называла происходящее содомом. По совету друзей она окончила университет, купила большой дом и перевезла в него маму и сына. Затем её карьера госслужащей пошла в гору, и, продав деревенский дом, который новые хозяева перевезли на другое место, она с семьёй перебралась в столицу. Алька видела, что жизнь лучше не становилась, менялись только буквы в названии родины.

Сама Алька оставалась прежней. Ей хотелось всё бросить и вернуться с мамой и Жоркой в отчий дом, но это уже не представлялось возможным. Заболела мама и умерла. Не стало у Альки ни окна в мир, ни дороги в люди. И ничего ей было не надо. Ни карьеры, ни денег – ничего, кроме Жорки и портрета Эдика. Сын женился по большой любви, у них появились дети, два мальчика – Георгий и Эдик. Образовалась счастливая семья, как когда-то была у Альки с мужем.

Закончив дела, связанные с работой, Алька наконец-то вернулась в деревню, где на оставшемся от старого дома фундаменте построила новый красивый дом: с водой, санузлом и даже сауной с маленьким бассейном. В хлеву появилась корова, а на насесте – куры. Но главное – у неё было окно, её окно в мир, материнский иконостас и портрет Эдика. Каждый вечер и каждое утро Алька молилась, как и её мать, за родину, за сына и всю семью. Она часто подходила

к окну, не понимая, что сама превратилась в Родину-мать для всей своей теперь уже снова большой семьи, включающую живность.

...Женщина-крестьянка и мать умерла. Сын стоял перед её могилой и благодарил Бога за то, что он послал ему таких родителей. Как полагается, позже он поставил маме памятник, а рядом такой же отцу. В его могиле лежала капсула с землёй с места захоронения. Однажды, придя на кладбище, Георгий заметил под инициалами и датой жизни мамы выбитое большими буквами слово «РУССКАЯ». Он был в смятении, когда к нему подошёл сын Эдик и произнёс:

– Так надо, папа. Бабушка всегда не уставала повторять в трудную минуту: «Я русская, я смогу...»

Россия не создана для счастья, она существует для души.

Ю. Даллакян

Людское Трилогия

*Парус надежды уносит куда-то вдале.
Солнечный лучик, играя, рождает печаль,
Печаль уходящего дня и грядущей мечты,
Всё в этом мире не так, подумаешь ты.
Но это не так...*

Ю. Даллакян

Часть 1. Ветер

Посидев с друзьями в любимом ресторанчике, Семён возвращался домой, уносясь в воспоминания о былом.

«Память делает нас молодыми, если мы этого хотим», – мелькнуло у него в голове.

Внезапно подул ветер, зашуршали по асфальту первые капли дождя. Семён застегнул плащ на все пуговицы и поёжился. Вскоре дождь усилился, превратившись в сплошную стену.

Мимо проезжали поливальные машины, смывая воду с проезжей части. Семён остановился, пропуская оранжевые огни, и тут же увидел витрину кафе. За ней виднелся уютный мир: столики с мягкими диванчиками, на каждом – маленькая лампа, бросающая тёплый, домашний свет. Посетители, окутанные этим светом, казались расслабленными и счастливыми.

Семён, которому стало совсем зябко, толкнул тяжёлую дверь, и его встретил негромкий перезвон колокольчиков.

Окинув взглядом зал, Сёма сразу понял – за столиками свободных мест нет. Но он не расстроился и направился к барной стойке, пристроился на высоком табурете, заказал стопку водки с солёным огурцом и почувствовал, как дрожь постепенно уходит из тела...

За стойкой он был не один. Рядом с ним сидела изрядно набравшаяся девушка.

Играла музыка. Сёма прислушался и узнал песню группы «Кинематограф». Машинально он начал подпевать солисту: «Вижу себя нарисованным в лодке...» На экране позади бара мелькали кадры из какой-то сказки. Семёна охватила эйфория.

Он снова посмотрел на соседку. Та показалась ему красивой. Тонкие черты лица и призывный взгляд притягивали к ней.

Глядя на незнакомку, Сёма остро чувствовал себя одиноким. Он упёрся взглядом в деревянную стойку и произнёс в пространство, не надеясь на ответ:

– Вы знаете, что такое одиночество?

– Да, знаю, – тихо прозвучало рядом. – Это когда тебя никто не понимает. Ни один человек на всём белом свете.

Девушка скользнула взглядом по его стопке, а затем вдруг притянула её к себе и выпила. Закусила его же огурчиком и промолвила:

– Маловато будет.

Семён попросил бармена повторить «для двоих».

– Вот ты первый, кто меня понял, – выдохнула девушка и снова выпила – и свою стопку, и его. Закусила двумя огурцами.

В груди Семёна пронёсся холодный ветер зла. А «Кинематограф» продолжал петь: «... кажется, фея неслышной походкой движется возле луны...»

– Позвольте, мадама! – удивленно произнёс Семён.

– Не позволю, – почти зашипела она. – Ну скажи мне, дуре, какой идиот выпьет только свою рюмку, когда перед ним ещё и чужая?

И Сёма снова кивнул бармену.

Девушка потянулась за следующей стопкой, но соскользнула с табурета и рухнула на пол. А «Кинематограф» пел: «...голосом сказочным кто-то поёт из королевства чудес...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.